

Третьякова Т. П., Яковлева М. С. Санкт-Петербургский государственный университет КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ЗАГОВОРА КАК ОДНОГО ИЗ ТИПОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА Оригинальные медицинские тексты на древнеанглийском языке, представлены разными жанрами, но когнитивно-дискурсивные основания анализа позволяют объединить их в рамках единой схемы отношений через связь <текст-человек> в определённом коммуникативном пространстве. При этом указанная связь реализуется и в ситуации непосредственного общения, и предполагает наличие некой субстанции, реальной или метафизической. На материале одного из рецептов лечебника Lacnunga показано, что использование особого магического текста *galdor*, в контексте предписанного ритуала мыслится как равносильный лекарственному препарату вариант лечения. Продемонстрировано, что репрезентация ритуала дублируется как в номинации ситуации непосредственных действий над пациентом, так и в стихотворном тексте ритуала.

Ключевые слова: древнеанглийский медицинский текст, заговор, когнитивная модель, историческая прагматика Tatyana Tretyakova, Maria Yakovleva Saint Petersburg State University COGNITIVE AND DISCURSIVE GROUNDS FOR IDENTIFYING CHARMS AS ONE OF THE TYPES OF OLD ENGLISH MEDICAL TEXT The original medical texts in Old English are represented by different genres, however, the common feature of which can be identified on the basis of cognitive-discursive approach of analysis as there is a single scheme of relations recognized through the <text-person> link in a certain communicative space. At the same time, this link is realized in the situation of direct communication and it presupposes the presence of some substance, real or metaphysical. The material of one of the recipes of the Lacnunga healing book represents the use of a special magical text *galdor*, in the context of the prescribed ritual, thought of as a treatment option equivalent to a medicine. It is demonstrated that the representation of the ritual is duplicated both in the nomination of the situation of direct actions on the patient and in the poetic text of the ritual. Keywords: Old English medical text, *galdor*, cognitive model, historical pragmatics

Медицинские сочинения средневековой Англии (VIII–XI вв.), представленные текстами разных жанров (сборники рецептов и описаний симптомов болезни; травники; а также отдельные тексты, заметки на полях или вставные эпизоды в литературе) объединены единой схемой коммуникативных отношений — а именно передачей знания того, как справиться с неблагоприятным для здоровья состоянием. Историческая прагматика даёт основания рассматривать подобные тексты удалённых от нас эпох как дискурсы, поскольку в них

547

содержится информация, область применения которой предполагает потенциальную адресность текстов, предполагающую их практическое понимание. Этот фактор и позволяет рассматривать данный ареал текстов как дискурс в рамках функциональной значимости ([Арутюнова 1990, Чернявская 2012, Tretyakova 2014]). Типы адресатно-адресантных отношений участников ситуации исцеления опосредованы знанием, полученным интерпретатором из текстов при их декодировании.

Особый интерес представляют непереводаемые тексты, составленные собственно англосаксами и не возводимые целиком к латинским или иным источникам. Прежде всего, это «Лечебник» в трёх частях (Bald's Leechbook (I, II), Leechbook III), содержащийся в рукописи British Library Royal 12. D. xvii и датруемый началом X века, где описаны лекарственные средства, симптомы болезней и рецепты, а также сборник рецептов, заклинаний и молитв Lacnunga («Лекарства»), содержащийся в рукописи British Library Harley MS 585 (X–XI вв.). Материал этих текстов позволяет говорить о древнеанглийской практике исцеления, а также создать модель дискурсивной ситуации практики исцеления, основанной на медицинском знании, накопленном в VIII–XI вв. Именно знание и воля к обладанию информацией, которую можно использовать для исцеления от болезненных

состояний, позволяют рассматривать медицинские тексты как часть практики исцеления. Разные текстовые жанры рассматриваются как дискурсы, являющиеся практикой в рамках определённой дисциплины как системы знаний — медицины. Отношения участников ситуации исцеления реализуются посредством процедуры интерпретации дискурса, зафиксированную в тексте как медицинский ритуал. Сама интерпретация предполагает создание модели как схемы представления процедуры участников и интерпретаторов практики на основе принятых норм. Репрезентация ритуала одновременно происходит и в сознании, и в языке. Основой для такого представления является отношение интерпретации семантических инструкций коммуникативного взаимодействия, отражающего субъектно-субъектные отношения. Когнитивно-дискурсивный подход к изучению рецептов в древнеанглийских лечебниках позволяет изучить структуру знания англосаксов о причинах и способах лечения болезней и неблагоприятных состояний и представить её посредством когнитивных фреймовых моделей. Это становится возможным, поскольку в таких рецептах предписывается вербальное и невербальное сопровождение процедуры исцеления. Фрейм в данном случае рассматривается с позиции семантики Ч. Филлмора [Филлмор 1988; Baker, Fillmore 2012] и понимается как структурированная единица знания об отражаемом объекте или событии, включающая не только знания об объектах и их связях, но также определённый когнитивный контекст. Цель настоящей статьи — показать когнитивные основания для одной процедуры в древнеанглийской медицинской практике, а именно практики чтения или распева особого текста, наделяемого магическим значением. Для этого на материале одного рецепта из лечебника *Lacnunga* (нач. XI в.) покажем, как концептуализируются процесс и результат лечения, и определим динамические связи, возникающие в дискурсивной ситуации практики исцеления.

Рецепт *Wið lætbyrde* 'От тяжёлых родов' называется так по первым словам; в нём описывается, какие действия должна предпринять женщина при сложной беременности, в частности, приводятся тексты так называемых *galdor*, одной из разновидностей подобного магического текста, которые ей нужно произнести. Этимологически это древнеанглийское слово восходит к глаголам *galan*, *galðran* 'петь, кричать' [Orel 2003: 123–124]; родственным ему является древнескандинавский термин *galdr*, обозначающий заговор, который пелся во время определённого ритуала. Все известные нам древнеанглийские *galdor* дошли до нас в

548

письменном виде: либо в составе лечебников как составляющая рецепта, либо на полях или свободном листе рукописи, без очевидной связи с предшествующим/последующим текстом. Современные исследователи могут судить о характере звучания таких текстов лишь по косвенным признакам (наличию ритма, поэтической составляющей, строению сюжета). В рецептах лечебников эти тексты могут называться также *gebed* 'молитва' или *word* 'слова' (в зависимости от контекста, синоним *galdor* или *gebed*). Этот текст наделяется участниками ситуации исцеления магическим значением и мыслится как равносильный лекарственному препарату вариант лечения. Это подтверждается наличием в лечебниках вариантов рецепта для лечения одного и того же неблагоприятного состояния, один из которых описывает изготовление и применение лекарства, а другой приводит некий текст и обстоятельства его использования. Таким текстом может выступать каноническая христианская молитва, отдельное слово, текст на латыни, древнеанглийском или смеси языков [Grendon 1909: 182]). Восприятие указанной процедуры англосаксами как действенной объясняется верой в силу произнесённого слова, характерной для медицины раннего Средневековья [Ненарокова 2017: 884].

Англоязычные исследователи *galdor* интерпретируют их как *charm* (например, стихотворные *galdor* изучаются строго как *metrical charms*); вместе с тем, слово *charm* используют и для описания комплексного текста (*galdor* + описание ритуала), а также используют в качестве синонима слова *spell* и *incantation* (ср. [Grendon 1909: 105–110, Cameron 1993: 185]). В качестве русского эквивалента этого слова далее примем слово «заговор»: во-первых, это понятие означает особые

слова, которые говорящий наделяет магической силой, которые шепчет или наговаривает над объектом ритуала субъект ритуала; во-вторых, предполагается, что субъект ритуала, произнося эти слова, уверен, что процесс произнесения помогает достичь желаемого благоприятного эффекта (излечения, защиты, урожая и др.).

На основе структурно-семантического подхода к анализу текста как сложного синтаксического целого, сформулированного в [Гальперин 2006; Реферовская 1989], в тексте рецепта выделяются пять сверхфразовых единств (СФЕ), каждое из которых содержит отдельный заговор и описание сопровождающих его произнесение действий. Рассмотрим их последовательно.

В первом СФЕ описывается ситуация, когда «женщина не может накормить ребёнка». В прозаическом пояснении (а) описывается ритуал, который нужно выполнить: женщина должна пойти на могилу (*byrgenne*), переступить её трижды и затем произнести стихотворный заговор (а1-3):

(а) *Se wifman, se hire cild áféðan ne mæg, gange tó gewitenes mannes birgenne and stæppe þonne þríwa ofer þá byrgenne and sweþe þonne þríwa þás word:*

(а1) *þis mé tó bóte þære láðan lætbyrde,*

(а2) *þis mé tó bóte þære swáeran swærbyrde,*

(а3) *þis mé tó bóte þære láðan lambyrde*⁵¹.

Актером (и адресантом) в этом СФЕ выступает женщина (*wifman*), поскольку она выполняет указанные действия в (а), в том числе произносит заговор, а заговор (а1-3) составлен от первого лица (*þis me to bote* 'это мне средство'); адресат нулевой (не указан объект ни в прозаической, ни в стихотворной частях СФЕ).

51 (а) Пусть женщина, которая не может прокормить своего ребёнка, пойдёт на могилу умершего человека и (а) Пусть женщина, которая не может прокормить своего ребёнка, пойдёт на могилу умершего человека и переступит трижды через эту могилу, и скажет трижды слова: переступит трижды через эту могилу, и скажет трижды слова:

(а1) это мне

(а1) это мне средство от ненавистных поздних родов, средство от ненавистных поздних родов,

(а2) это мне средство от тяжких тяжёлых родов,

(а2) это мне средство от тяжких тяжёлых родов,

(а3) это мне средство от ненавистных неудачных родов.

(а3) это мне средство от ненавистных неудачных родов. (Здесь и далее перевод наш.) (Здесь и далее перевод наш.)

549

Связь между прозаической и стихотворной частями СФЕ обеспечивается при помощи анафорического отношения между описанием действий актора — *gange tó ... birgenne, stæppe ... ofer þá byrgenne* в (а) — и местоимением *þis* в начале каждой из строк (а1-3), отсылающим к этим действиям; а также связи между словосочетанием *þás word* (а) и самим заговором.

В прозаической части СФЕ описано неблагоприятное состояние (*se wifman, se hire cild áféðan ne mæg*), перечислены действия, которые нужно предпринять для исцеления, употреблены глаголы сослагательного наклонения в форме ед. ч. (*gange, stæppe, sweþe*). Трёхстишие, которым

представлена стихотворная часть СФЕ, построено в соответствии с ритмическим канонем древнеанглийской поэзии: строки разделены на два полустишия цезурой, в каждом полустишии несколько ударных слогов. Не полностью выдержана система аллитерации: между собой соотносятся ударные слоги в каждом чётном полустишии (в приведённом выше тексте выделены жирным).

Второе СФЕ содержит общее предписание для действий беременной женщины — в прозаическом вступлении есть только указание «когда женщина с ребёнком» (*séo mid bearne*). В прозаической части (b) описывается условие, при котором следует произносить заговор, а именно — женщина идёт на ложе к мужу (*on reste gá*): (b) *And þonne þæt wíf séo mid bearne and héo tó hyre hláforde on reste gá, þonne sweþe héo*. Таким образом, он ориентирован на применение в конкретной ситуации. Сам заговор состоит из трёх строк:

(b1) *Up ic gonge, ofer þé stæppe* (b2) *mid cwican cilde, nalæs mid cwellendum*, (b3) *mid fulborenum, nalæs mid fáegan*⁵².

Актером в описываемой в СФЕ ситуации выступает женщина — *wíf* 'жена'. Формальным адресатом в тексте заговора выступает *hláford* 'муж' (ср. *ofer þé stæppe* 'переступаю через тебя' (b1). Вместе с тем речь адресанта не подразумевает возможности ответа — заговор построен как утверждение об уже случившемся.

Актор называет в (b1) выполняемые действия, указанные в (b): *Up ic gonge, ofer þé stæppe* 'Я поднимаюсь, через тебя переступаю' = *þæt wíf ... tó hyre hláforde on reste gá* 'эта женщина ... идёт на ложе к мужу'. За счёт этого в СФЕ формируется два пространства, условно, «реальное» (где актер выполняет действия и произносит слова заговора) и «виртуальное» («магическое», где действует своего рода двойник актора).

Структура строк (b2-3) единообразна: нечётное полустишие описывает желательный исход (*mid cwican cilde, mid fulborenum*), чётное — нежелательный (*mid cwellendum, mid fáegan*). Заговор также соответствует канонам аллитерационной поэзии, хотя аллитерация между полноударными слогами обнаруживается только в (b2-3).

Третье СФЕ состоит из двух прозаических частей. В первой части содержится предписание, что делать беременной женщине, когда она чувствует, что ребёнок шевелится: (c) *And þonne séo módor geféle þæt þæt bearn sí cwic, gá þonne tó cyrican, and þonne héo tóforan þán wéofode cume, sweþe þonne* 'И когда мать почувствовала, что ребёнок жив, пусть пойдёт в церковь и там пройдёт к алтарю, скажет тогда'; вторая часть содержит сам заговор — фразу: (c1) *Críste, ic sáede, þis gescýped!* 'Христу, я сказала, это объявлено!'. В качестве итогов лечения в

52 (b) И когда эта женщина с ребёнком и идёт на ложе к мужу, тогда пусть она скажет: (b) И когда эта женщина с ребёнком и идёт на ложе к мужу, тогда пусть она скажет:

(b)

(b1) Я поднимаюсь, через тебя переступаю, 1) Я поднимаюсь, через тебя переступаю,

(b2) с живым ребёнком, совсем не с умирающим,

(b2) с живым ребёнком, совсем не с умирающим,

(b3) с хорошо рождённым, совсем не с обречённым.

(b3) с хорошо рождённым, совсем не с обречённым.

этом СФЕ выступает «объявленность Богу» — вероятно, это отсылает к некому народному верованию, согласно которому то, что известно Богу, находится под его защитой. Связь между частями СФЕ осуществляется при помощи анафорического отношения между описанием ощущений актора в (с) и местоимением þis в (с3), отсылающим к этим действиям: þis = þæt bearn sí cwic. Актором в обеих частях СФЕ выступает módor ‘мать’; в прозаической части (с) прослеживаются предписываемые ей перемещения: в церковь (gá tó cyrican), к алтарю (tóforan wéofode). Речь актора (с1) не обращена к адресату непосредственно, однако адресат (Христос) восстанавливается из контекста — места действия (с) и упоминания (с1). Как и в других СФЕ рецепта, заговор (с1) обладает ритмом и аллитерацией; однако представляется, что на масштабе одной строки сложно судить о сознательном использовании этих средств.

Четвёртое (d) и пятое (e) СФЕ представляют собой рецепты по избавлению от неблагоприятного состояния — когда женщина не может «прокормить» ребёнка (bearn áfédan ne mæge). Они различаются между собой описанием ритуала и текстом заговора. Приведём целиком четвёртое СФЕ:

(d) Se wífmon, se hyre bearn áfédan ne mæge, genime héo sylf hyre ágenes cildes gebyrgenne dæl, wrý æfter þonne on blace wulle and bebiçge tó cépemannum and cwepe þonne:

(d1) Ic hit bebiçge, gé hit bebiçgan,

(d2) þás sweartan wulle and þysse sorçe corn⁵³.

Актором и адресантом в четвёртом СФЕ выступает wífmon ‘женщина’, адресатом — серетепп ‘торговцы’. Рецепт предписывает актору выполнить ряд действий в нескольких местах: взять землю на могиле своего ребёнка (cildes gebyrgenne), завернуть в чёрную шерстяную материю и продать её торговцам, а также произнести стихотворный заговор (d1-d2), в котором также описывается процесс торговли. Таким образом, актор одновременно выполняет действие продажи в «реальном» и «виртуальном пространстве», но в первом случае продаёт свёрток шерсти, а во втором — sorçe corn ‘зерно печали’. Связь между прозаической и стихотворной частями СФЕ обеспечивается анафорически при помощи неоднократного называния этого ритуального предмета действий: cildes gebyrgenne dæl + blace wulle = sweartan wulle and sorçe corn, а также местоимения hit в (d1), отсылающего к этим же выражениям.

Стихотворный заговор (d1-2) также построен по правилам аллитерационной поэзии.

В пятом СФЕ (e-f) предлагается другой, более подробный вариант исцеления в той же ситуации, что описана в фрагменте (d). Это СФЕ имеет рамочную структуру: заговор (e1-3) помещён внутри описания ритуала, состоящего из двух частей (e, f):

(e) Se wífman, se ne mæge bearn áfédan, nime þonne ánes bléos cú meoluc on hyre handæ and gesúpe þonne mid hyre múpe and gange þonne tó yrnendum wætere and spíwe þær in þá meolc and hlade þonne mid þære ylcan hand þæs wæteres múð fulne and forswelge. Cwepe þonne þás word:

(e1) Gehwér férde ic mé þone mæran magapihtan,

(e2) mid þysse mæran metepihtan;

(e3) þonne ic mé wille habban and hám gán.

(f) Þonne héo tó þán bróce gá, þonne ne beséo héo, nó ne eft þonne héo þanan gá, and þonne gá héo in óper hús óper héo út oféode and þær gebyrge métes⁵⁴.

53 (d) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, возьмёт часть [земли с] могилы своего ребёнка, затем (d) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, возьмёт часть

[земли с] могилы своего ребёнка, затем завернёт завернёт в чёрную шерсть и продаст торговцам и скажет тогда: в чёрную шерсть и продаст торговцам и скажет тогда:

(d1) Пусть я это продаю, пусть вы это купите,

(d1) Пусть я это продаю, пусть вы это купите,

(d2) эту чёрную шерсть и это зерно печали.

(d2) эту чёрную шерсть и это зерно печали.

551

Актером в этом СФЕ является также *wifman* 'женщина'; адресант нулевой — действия и слова актора не обращены к конкретному лицу. Связь между прозаическими частями СФЕ обеспечивается при помощи анафорического отношения между именованием актора — *wifman* в (e) — и местоимением *heo* в (f). Заговор (e1-3) также связан с прозаическим описанием ритуала — *bearn* (e) соответствует сочетаниям *mæran magaþihtan* и *mæran metepihtan* с указательными местоимениями *þysse* (e2) и *þone* (e1). Также (e1) связана с (e) катафорой между словосочетанием *þás word* (e) и самим заговором.

В стихотворном заговоре (e1-3) актер указывает на своё перемещение: *gehwér fêrde ic* 'повсюду я носила'. Этому соответствует перечисление множества мест в (e, f), которые, по требованиям ритуала, нужно посетить актору: *hús héo út oféode* -> *gange tó urnendum wætere* -> *tó þán bróce gá* -> *gá in óþer hús*.

В строках (e1-3) частично соблюдены правила аллитерационной поэзии: число слогов в первом полустишии (e2) значительно меньше, чем в (e1, 3). Присутствует сквозная аллитерация.

Таким образом, анализ древнеанглийского текста рецепта *Wið lætbyrde* позволяет определить когнитивно-дискурсивные основания для выделения концепта *galdor*. Данный концепт реализуется как стихотворный или ритмизованный заговор, произносимый в ситуации лечения. Ситуация лечения представлена в рамках семантико-синтаксической организации текста *Wið lætbyrde* как отражение процедуры исцеления, реализующейся в сверхфразовых единствах текста, обладающих цельностью и связностью и построенных по определённой схеме/модели. Эта модель включает описание проявления неблагоприятного состояния, которое необходимо вылечить, перечисление действий, которые пациенту предписывается выполнить, в частности, произнести определённые слова; и описание результата лечения.

Особое место в заговоре отводится актору, произносящему заговор и участвующему в интерпретации ситуации в прозаической части текста. Адресатно-адресантные отношения зависят от позиции актора. Адресатом может выступать третье лицо, не принимающее активного участия во взаимодействии, или же адресат может быть вовсе не указан. Отметим, что актер действует одновременно в реальном пространстве, где выполняет физические действия — перемещается по линии: *birgen* 'могила' -> *hláford* 'муж', *hus* 'дом' -> *cyric* 'церковь' -> *wéofod* 'алтарь' -> *birgen* -> *seremenn* 'торговцы' -> *hús* -> *urnende wæter* 'текущая вода' -> *bróc* 'ручей' -> *óþer hús* 'другой дом', в миниатюре воспроизводящей различные жизненные этапы, и в «виртуальном», где описывает или подразумевает те же или сходные действия.

Всё сказанное свидетельствует о том, что выделение заговора (*galdor*) в рамках древнеанглийского рецепта возможно с учётом интерпретации смысловых характеристик коммуникативной семантической ситуации и компонентов сверхфразовых единств, когерентность которых проявляется на дискурсивном, семантическом и лингвостилистическом уровнях.

54 (e) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, наберёт молоко одноцветной коровы в ладони и (e) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, наберёт молоко одноцветной коровы в ладони и наберёт [из наберёт [из ладоней] в рот и пойдёт к текущей воде, и выплюнет туда молоко, и наберёт той же рукой этой воды ладоней] в рот и пойдёт к текущей воде, и выплюнет туда молоко, и наберёт той же рукой этой воды полный рот, и проглотит. Пусть говорит эти слова: полный рот, и проглотит. Пусть говорит эти слова:

(e1) Повсюду я носила этого славного, сильного животом

(e1) Повсюду я носила этого славного, сильного животом

(e2) [ходила] с этим славным, сильным пищей,

(e2) [ходила] с этим славным, сильным пищей,

(e3) тог

(e3) тогда я хочу получить и пойти домой. да я хочу получить и пойти домой.

(f) Пусть пойдёт к тому ручью, пусть не оглядывается и не будет увидена, и пусть пойдёт в другой дом, чем тот, из

(f) Пусть пойдёт к тому ручью, пусть не оглядывается и не будет увидена, и пусть пойдёт в другой дом, чем тот, из которого вышла, и там поест. которого вышла, и там поест.

552

Литература: Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2006. 144 с.

Ненарокова М. Р. Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III—XI вв. // сб. научн. статей и переводов под общей ред. М. Р. Ненароковой. М.: «Индрик», 2017. 944 с.

Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Ленинград: Наука, 1989. 167 с. Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 1998. 18 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М., 1988. С. 52-92. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012. 128 с.

Cameron M. L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge University Press, 1993. 211 p. Fillmore Ch., Baker C. (2012). A Frames Approach to Semantic Analysis // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 313-339.

Grendon F. The Anglo-Saxon Charms // The Journal of American Folklore. № 22 (84), 1909. P. 105-237.

Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003. 682 p. Tretyakova T. P. Discourse Linguistics and Argumentation as Open Systems / Considering Pragma-dialectics: A Festschrift for Frans H. van Eemeren on the occasion of his 60th birthday. Taylor & Francis, 2014. P. 275-286. References: Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse] / N. D. Arutyunova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 136-137. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Study]. M: KomKniga, 2006. 144 s. Nenarokova M. R. Vozlyublyu slovo kak blizhnego: Uchebnyj tekst v pozdnyuyu Antichnost' i rannee Srednevekov'e: issledovanie sostava shkol'nogo kanona III—XI vv. [“I will love the word as the

fellowman”: Educational text in Late Antiquity and Early Middle Ages: A study of composition of the school canon of the 3rd — 11th centuries].: «Indrik», 2017. 944 s. Referovskaya E. A. Kommunikativnaya struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte [Communicative structure of the text in lexical and grammatical aspect]. Leningrad: Nauka, 1989. 167 s. Tret'yakova T. P. Funkcional'naya semantika i problema rechevogo stereotipa: avtoref. diss. ... d. filol. n. [Functional semantics and the problem of speech stereotype: Doctoral Thesis Abstract] SPb., 1998. 18 s. Fillmore Ch. Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and the Semantics of Understanding]// Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The New in Foreign Linguistics], vyp. XXIII. M., 1988. S. 52-92. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya [Discourse of power and power of discourse: Problems of linguistic impact]. M.: Flinta, 2012. 128 s.

Cameron M. L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge University Press, 1993. 211 p. Fillmore Ch., Baker C. (2012). A Frames Approach to Semantic Analysis // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 313-339.